

С О О Б Щ Е Н И Е

Специальной Комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров.

Постановлением Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников была создана специальная комиссия по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу (близ Смоленска) военнопленных польских офицеров.

В состав Комиссии вошли: член Чрезвычайной Государственной Комиссии академик Н.Н.БУРДЕНКО (председатель Комиссии), член Чрезвычайной Государственной Комиссии академик Алексей ТОЛСТОЙ, член Чрезвычайной Государственной Комиссии Митрополит НИКОЛАЙ, председатель Всеславянского Комитета генерал-лейтенант ГУНДОРОВ А.С., председатель Исполкома Совета обществ Красного Креста и Красного Полумесяца КОЛЕСНИКОВ С.А., Народный Комиссар просвещения РСФСР академик ПОТЕМКИН В.П., начальник Главного Военно-Санитарного Управления Красной Армии генерал-полковник СМЕРНОВ Е.И., председатель Смоленского облисполкома МЕЛЬНИКОВ Р.Е.

Для выполнения поставленной перед нею задачи Комиссия привлекла для участия в своей работе следующих судебно-медицинских экспертов: главного судебно-медицинского эксперта Наркомздрава СССР, директора Научно-Исследовательского института судебной медицины ПРОЗОРОВСКОГО В.И.; заведующего кафедрой судебной медицины 2-го Московского медицинского института,

доктора медицинских наук СМОЛЬЯНИНОВА В.М., ст.научного сотрудника Государственного Научно-Исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР СЕМЕНОВСКОГО П.С.; ст.научного сотрудника Государственного Научно-Исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР доцента ШВАЙКОВУ М.Д.; гл.патолога фронта майора медицинской службы профессора ВЫРОПАЕВА Д.Н.

В распоряжении специальной Комиссии находился обширный материал, подготовленный Чрезвычайной Государственной Комиссией, в лице академика БУРДЕНКО и его сотрудников, которые немедленно по освобождении гор.Смоленска прибыли в Смоленск и приступили к предварительному изучению и расследованию обстоятельств всех учиненных немцами злодеяний.

Прибыв с этими материалами и в полном составе вместе с судебно-медицинскими экспертами в Смоленск, Специальная Комиссия установила, что на 15 клм. от гор.Смоленска по Витебскому шоссе в районе Катynского леса, именуемом "Козьи Горы", в 200 метрах от шоссе на юго-запад по направлению к Днепру, находятся могилы, в которых зарыты военнопленные поляки, расстрелянные немецкими оккупантами.

По распоряжению и в присутствии всех членов Специальной Комиссии могилы были вскрыты судебно-медицинскими экспертами. В могилах было обнаружено большое количество трупов в польском военном обмундировании. Общее количество трупов по подсчету судебно-медицинских экспертов достигает _____.

Судебно-медицинские эксперты произвели подробное исследование извлеченных трупов и тех документов и вещественных доказательств, которые были обнаружены на трупах и в могилах.

Одновременно со вскрытием могил и исследованием трупов, Специальная Комиссия произвела опрос многочисленных свидетелей из местного населения, показаниями которых точно устанавливаются время и обстоятельства преступлений, совершенных немецкими оккупантами.

Из показаний свидетелей выясняется следующее:

Катынский лес

Издавна Катынский лес был излюбленным местом, где население Смоленска проживало на дачах и обычно проводило праздничный отдых. Окрестное население пасло скот в Катынском лесу и заготавливало для себя топливо. Никаких запретов и ограничений доступа в Катынский лес не существовало.

Такое положение в Катынском лесу существовало до самой войны. Еще летом 1941 г. в этом лесу находился пионерский лагерь Промстрахкасса, который был свернут лишь в июле 1941 г.

С захватом Смоленска немецкими оккупантами в Катынском лесу был установлен совершенно иной режим. Лес стал охраняться усиленными патрулями; во многих местах появились надписи, предупреждавшие, что лица, ~~в~~ходящие в лес без особого пропуска, подлежат расстрелу на месте. Особенно строго охранялась та часть Катынского леса, которая именовалась "Козьи Горы", а также и территория на берегу Днепра, где на расстоянии 700 мтр. от обнаруженных могил польских военнопленных находилась дача - дом отдыха Смоленского Управления НКВД. По приходе немцев в этой даче расположилось немецкое учреждение, именовавшееся: "Штаб 537 строительного батальона".

Военнопленные поляки в районе Смоленска

Специальной Комиссией установлено, что до захвата немецкими оккупантами Смоленска, в западных районах области на строительстве и ремонте шоссейных дорог работали польские военнопленные офицеры и солдаты. Размещались эти военнопленные поляки в трех лагерях особого назначения, именовавшихся: лагерь № 1 -ОН, № 2 - ОН, и № 3 - ОН, на расстоянии от 25 до 45 км. на запад от Смоленска.

Показаниями свидетелей и документальными материалами установлено, что после начала военных действий, в силу сложившейся обстановки, лагеря не могли быть своевременно эвакуированы и все военнопленные поляки, а также часть охраны и сотрудников лагерей попали в плен к немцам.

Допрошенный Специальной Комиссией быв.нач.лагеря № 1 -ОН майор государственной безопасности ВЕТОШНИКОВ В.М. показал:

"...Я ожидал приказа о ликвидации лагеря, но связь со Смоленском прервалась. Тогда я сам с несколькими сотрудниками выехал в Смоленск для выяснения обстановки. В Смоленске я застал напряженное положение. Я обратился к нач.движения Смоленского участка Западной ж.д. т.ИВАНОВУ с просьбой обеспечить лагерь вагонами для вывоза военнопленных поляков. Но т.ИВАНОВ ответил, что рассчитывать на получение вагонов я не могу. Я пытался связаться также с Москвой для получения разрешения двинуться пешим порядком, но мне это не удалось.

К этому времени Смоленск уже был отрезан немцами от лагеря и что стало с военнопленными поляками и оставшейся в лагере охраной, я не знаю."

Замещавший в июле 1941 г. нач.движения Смоленского участка Западной ж.д. т.ИВАНОВ С.В. показал:

"Ко мне в отделение обращалась администрация лагерей для польских военнопленных, чтобы получить вагоны для отправки поляков, но свободных вагонов у нас не было. Помимо того подать вагоны на трассу Гусино, где было больше всего военнопленных поляков, мы не могли, так как эта дорога уже находилась под обстрелом, поэтому мы не могли выполнить просьбы лагерной администрации. Таким образом военнопленные поляки остались в Смоленской области."

Нахождение польских военнопленных в лагерях Смоленской обл. подтверждается показаниями многочисленных свидетелей, которые видели этих поляков близ Смоленска первые месяцы оккупации до сентября м-ца 1941 г. включительно.

Свидетельница СОШНЕВА Мария Александровна, учительница начальной школы дер.Зиньково рассказала Специальной Комиссии о том, что в августе м-ца 1941 г. она приютила у себя в доме в дер.Зиньково бежавшего из лагеря военнопленного поляка.

"...Поляк был в польской военной форме, которую я сразу узнала, так как в течение 1940-41 г.г. видела на шоссе группы военнопленных поляков, которые под конвоем вели какие-то работы на шоссе... Поляк меня заинтересовал потому, что, как выяснилось, он до призыва на военную службу был в Польше учителем начальной школы. Так как я сама окончила Педтехникум и готовилась быть учительницей, то потому и завела с ним разговор. Он рассказывал мне, что окончил в Польше учительскую семинарию, а затем учился в какой-то военной школе и был подпоручиком запаса. С начала военных действий Польши с Германией, он был призван на действительную службу, находился в Брест-Литовске, где и попал в плен к частям Красной Армии... Больше года он находился в лагере под Смоленском.

Когда пришли немцы, они захватили польский лагерь, установили в нем жесткий режим, немцы не считали поляков за людей, всячески притесняли и издевались над ними. Были случаи расстрела поляков ни за что, тогда он решил бежать. Рассказывая о себе, он сказал, что жена его также учительница, что у него есть два брата и две сестры... Назвал он также свою фамилию..."

Уходя на другой день, поляк назвал свою фамилию, которую

СОШНЕВА записала в книге. В пред"явленной СОШНЕВОЙ специальной Комиссии книге на последней странице имеется запись: "ЛОЕК Юзеф и Софья гор.Замостье ул.Огородная д.№25.

В опубликованных немцами списках под № 3796 значится, как расстрелянный на "Козьих горах" в Катинском лесу весной 1940 г., ЛОЕК Юзеф, лейтенант.

Таким образом, из немецкого сообщения выясняется, что ЛОЕК Юзеф был расстрелян большевиками за год до того, как его ви-дела свидетельница СОШНЕВА.

Свидетель ДАНИЛЕНКОВ Н.В., крестьянин к-за "Красная Заря" Катинского сельсовета, показал:

"В 1941 г. в августе-сентябре м-це, когда пришли немцы, я встречал поляков, работающих на шоссе группами по 15-20 чел."

Такие же показания дали свидетели: СОЛДАТЕНКОВ - быв.ста-роста дер.Борок, КОЛАЧЕВ А.С. - врач Смоленска, ОГЛОБЛИН А.П. - священник, СЕРГЕЕВ Т.И. - дорожный мастер, СМІРЯГІН П.А. - инженер, МОСКОВСКАЯ А.Н., жительница Смоленска, АЛЕКСЕЕВ А.М. - председатель к-за дер. Борок, КУЦЕВ И.В. - водопроводный техник, ГОРОДЕЦКИЙ В.П. - священник Ольшевской церкви Смоленского р-на, БАЗЕКИНА А.Т. - бухгалтер, ВЕТРОВА Е.М. - учительница, САВВА-ТЕЕВ И.В. - дежурный по ст.Гнездово и др.

Облавы на польских военнопленных

Наличие военнопленных поляков осенью 1941 г. в р-нах Смоленска подтверждается также фактами, проведения немцами многочисленных облав на этих военнопленных, бежавших из лаге-рей.

Свидетель КАРТЮШКИН И.М., плотник, показал:

"Военнопленных поляков осенью 1941 г. немцы искали не только в лесах, но и привлекалась полиция для ночных обысков в деревнях."

Быв.староста дер.Новые Батеки ЗАХАРОВ М.Д. показал, что осенью 1941 г. немцы усиленно "прочесывали" деревни и леса в поисках польских военнопленных.

Свидетель ДАНИЛЕНКОВ Н.В., крестьянин к-за "Красная Заря", показал:

"У нас производились специальные облавы по розыску бежавших из-под стражи военнопленных поляков. Такие обыски два или три раза были в моем доме. После одного обыска я спросил старосту СЕРГЕЕВА Константина - кого ищут в нашей деревне. СЕРГЕЕВ сказал, что прибыл приказ из немецкой комендатуры, по которому во всех без исключения домах должен быть произведен обыск, так как в нашей деревне скрываются военнопленные поляки, бежавшие из лагеря. Через некоторое время обыски прекратились."

Свидетель ФАТЬКОВ Т.Е., колхозник, показал:

"Облавы по розыску пленных поляков производились несколько раз. Это было в августе-сентябре 1941 г. После сентября 1941 г. такие облавы прекратились и больше никто польских военнопленных не видел."

Расстрелы военнопленных поляков:

Упомянутые выше "Штаб 537 строительного батальона", помещавшийся на даче в "Козьих горах", не производил никаких строительных работ. Деятельность его была тщательно законспирирована. Чем на самом деле занимался этот "штаб", показали многие свидетели и в том числе свидетельницы: АЛЕКСЕЕВА А.М., МИХАЙЛОВА О.А. и КОНАХОВСКАЯ З.П. - жительницы дер.Борок Катинского с/с. По

распоряжению немецкого коменданта пос. Катынь, они были направлены старостой деревни Борок - СОЛДАТЕНКОВЫМ В.И. для работы по обслуживанию личного состава "штаба" на упомянутой даче.

Свидетельница АЛЕКСЕЕВА А.М. показала:

"На даче в "Козьих горах" постоянно находилось около 30 немцев: оберстлейтенант АРНЕС, его ад"ютант - оберлейтенант РЕКСТ, лейтенант ХОТТ, вахмистр ЛЮММЕРТ, унтерофицер РОЗЕ, его помощник ИЗИКЕ, оберфельдфебель ГРИНЕВСКИЙ, фотограф оберфельдфебель - фамилию которого не помню, переводчик Иоган из Немцев-Поволжья, мы его называли Иваном, повар Густав и другие военные, имен их не помню. Переводчик Иоган от имени АРНЕСА нас несколько раз предупреждал, что мы должны "держаться за языки" и не болтать о том, что видим и слышим на даче.

В конце августа и большую часть сентября 1941 г. на дачу в "Козьи горы" почти ежедневно приезжало несколько закрытых грузовых машин.

Я заметила, что всякий раз, когда приезжали эти машины, они на полчаса, а то и на целый час останавливались на лесной дороге, ведущей от шоссе к даче. Шум машин через некоторое время после их захода в лес утихал. Потом начиналась стрельба. Выстрелы слышались через короткий, но примерно одинаковый промежуток времени. Затем стрельба стихала и машины под"езжали к самой даче.

Из машин выходили немецкие солдаты и унтерофицеры, шумно разговаривая между собой, шли мыться в баню. В эти дни на кухне готовилось большое количество обедов и к столу подавалось большое количество вина.

Обыкновенно, когда машины останавливались в лесу, солдаты с нашей дачи уходили туда вооруженные револьверами.

Всякий раз, когда приезжали на дачу машины, нас, трех девушек, загоняли на кухню и не выпускали, пока все не кончится.

Несколько раз я замечала следы свежей крови на одежде двух ефрейторов.

Из всего этого я поняла, что немцы на машинах привозили в лес людей и их расстреливали. Я даже догадывалась, где это происходило, так как приходя и уходя с дачи я замечала недалеко от дороги, в нескольких местах свежеразрытую землю, насыпь которой все время увеличивалась в длину."

На вопрос Специальной Комиссии, что за люди расстреливались в лесу близ дачи, АЛЕКСЕЕВА ответила, что расстреливались военнопленные поляки и в подтверждение своих слов рассказала следующее:

"...Однажды я задержалась на работе на даче. Пришел немецкий солдат и сказал, чтобы я шла домой. Я еще работу не закончила, а он говорит, что это по распоряжению РОЗЕ. Я бросила работу и солдат довел меня до Витебского шоссе. Я пошла своей дорогой, а он вернулся. Идя по шоссе, увидела, что из под Смоленска гонят группу военнопленных поляков. Было их, примерно, 30 человек. Я их пропустила, они свернули с шоссе на лесную дорогу, ведущую к нашей даче. Я из любопытства вернулась и спряталась в кусты. Минут через 30 я услышала такие же одиночные выстрелы."

Показания свидетельницы АЛЕКСЕЕВОЙ подтвердили две другие девушки, работавшие вместе с ней на даче - МИХАЙЛОВА и КОНАХОВСКАЯ. Кроме того, свидетельница МИХАЙЛОВА О.А. рассказала случай расстрела двух поляков.

"Однажды мы слышали недалеко от кухни шум и увидели двух военнопленных поляков. Их окружили немецкие солдаты, которым что-то раз"яснял унтер-офицер РОЗЕ, затем к нему подошел обер-лейтенант АРНЕС и что-то сказал РОЗЕ. Мы спрятались, но нас заметили и загнали на кухню, а поляков повели в сторону от дачи. Через несколько минут мы слышали выстрелы."

Показания о приводе на "Козьи горы" военнопленных поляков небольшими группами в 20-30 человек, под охраной 5-7 немецких солдат, дали и другие свидетели, допрошенные Специальной Комиссией: КИСЕЛЕВ П.Г. - крестьянин хутора "Козьи горы", КРИВОЗЕРЦЕВ М.Г. - плотник станции Красный Бор в Катинском лесу, ИВАНОВ С.В. - быв.нач.ст.Гнездово в районе Катинского леса, САВВАТЕЕВ И.В. - дежурный по той же ст., АЛЕКСЕЕВ М.А. - председатель к-за дер.Борок и ОГЛЮБЛИН А.П. - священник Купринской церкви и др.

Эти свидетели слышали и выстрелы, раздававшиеся из леса на "Козьих горах".

Особо важное значение для выяснения того, что происходило на даче в "Козьих горах" осенью 1941 г., имеют показания профессора астрономии, директора обсерватории в Смоленске - БАЗИЛЕВСКОГО В.В. Профессор БАЗИЛЕВСКИЙ в первые дни оккупации немцами Смоленска был насильно назначен ими зам.нач.города (бургомистром), а нач.города был назначен немцами адвокат МЕНЬШАГИН В.Г., впоследствии ушедшим вместе с ними, предатель, пользовавшийся особым доверием у немецкого командования и в частности у коменданта гор.Смоленска фон-ШВЕЦ.

В начале зимы 1941 г. БАЗИЛЕВСКИЙ обратился с просьбой к МЕНЬШАГИНУ ходатайствовать перед комендантом фон-ШВЕЦ об освобождении из лагеря военнопленных № 126 педагога ЖИГЛИНСКОГО. Выполняя эту просьбу МЕНЬШАГИН обратился к коменданту Смоленска фон-ШВЕЦУ и затем передал БАЗИЛЕВСКОМУ, что его просьба не может быть удовлетворена, так как по словам фон-ШВЕЦА "получена директива из Берлина, предписывающая неукоснительно проводить самый жесткий режим в отношении военнопленных, недопуская никаких послаблений в этом вопросе".

"Я невольно возразил, - показал свидетель БАЗИЛЕВСКИЙ, - "что же может быть жестче существующего в лагере режима."

МЕНЬШАГИН странно посмотрел на меня и, наклонившись ко мне, ответил: "Может быть! Русские, по крайней мере, сами будут умирать, а вот военнопленных поляков предложено просто уничтожить".

"Как так? Как это понимать?" - воскликнул я.

"Понимать надо в буквальном смысле. Есть такая директива из Берлина", - ответил МЕНЬШАГИН и тут же попросил меня "ради всего святого" никому об этом не говорить..."

"Недели через две после описанного выше разговора с МЕНЬШАГИНЫМ, я, будучи снова у него на приеме, не удержался и спросил: "Что слышно о поляках?" МЕНЬШАГИН помедлил, а потом все же ответил: "С ними уже покончено. Фон-ШВЕЦ сказал мне, что они расстреляны где-то недалеко от Смоленска."

"Видя мою растерянность МЕНЬШАГИН снова предупредил меня о необходимости держать это дело в строжайшем секрете и затем стал об"яснять мне линию поведения немцев в этом вопросе. Он сказал, что расстрел поляков является звеном в общей цепи, проводимой Германией антипольской политики, особенно обострившейся в связи с заключением русско-польского договора."

БАЗИЛЕВСКИЙ также рассказал Специальной Комиссии о своей беседе с зондерфюрером 7-го отдела немецкой комендатуры ГИРШФЕЛЬДОМ - прибалтийским немцем, хорошо говорящим по-русски:

ГИРШФЕЛЬД с циничной откровенностью заявил мне "что исторически доказана вредность поляков и их неполноценность, а потому уменьшение населения Польши послужит удобрением почвы и создаст возможность для расширения жизненного пространства Германии." В этой связи ГИРШФЕЛЬД с бахвальством рассказал, что в Польше интеллигенции не осталось совершенно, так как она повешена, расстреляна и заключена в лагеря."

Показания БАЗИЛЕВСКОГО подтверждены опрошенным Специальной Комиссией свидетелем - профессором физики ЕФИМОВЫМ И.Е., которому БАЗИЛЕВСКИЙ тогда же осенью 1941 г. рассказал о своем разговоре с МЕНЬШАГИНЫМ.

Об"ективным документом, подтверждающим показания БАЗИЛЕВСКОГО и ЕФИМОВА является находящийся в материалах Специальной Комиссии собственноручная запись МЕНЬШАГИНА, сделанная им в своем блокноте. В этот блокнот он заносил указания и распоряжения, получаемые им от немецкого командования.

Принадлежность указанного блокнота МЕНЬШАГИНУ и его почерк удостоверены показаниями БАЗИЛЕВСКОГО, хорошо знающего почерк МЕНЬШАГИНА, а также и графологической экспертизой. Записи МЕНЬШАГИНА относятся к осени (август-ноябрь 1941 г.). На странице блокнота, помеченной 15 августа 1941 г., значится:

"Всех бежавших поляков военнопленных задерживать и доставлять в комендатуру".

На одной из следующих страниц блокнота записано:

"Ходят ли среди населения слухи о расстреле польских военнопленных в Коз.горт (УМНОВУ).

Из первой записи явствует, во-первых, что 15 августа 1941г. военнопленные поляки еще находились в районе Смоленска и, во-вторых, что они арестовывались немецкими властями.

Вторая запись свидетельствует о том, что немецкое командование, обеспокоенное возможностью проникновения слухов о совершенном им преступлении в среду гражданского населения, специально дало указание о проверке этого своего предположения. УМНОВ, который упоминается в записи, являлся начальником русской полиции Смоленска.

Возникновение немецкой провокации

Зимой в 1942-43 г.г. военная обстановка резко изменилась не в пользу немцев. Военная мощь Советского Союза все усиливалась, единение СССР с союзниками крепло. Немцы решили пойти на провокацию, использовав для этой цели злодеяния, совершенные ими в Катынском лесу и приписав их органам Советской власти. Этим они рассчитывали вбить клин между СССР и союзниками, посорить русских с поляками и замести следы своего преступления.

Священник села Куприно Смоленского р-на, А.П.ОГЛОБЛИН показал:

- 13 -

"...После Сталинградских событий, когда немцы почувствовали неуверенность, они подняли это дело. Среди населения пошли разговоры, что "немцы свои дела поправляют".

Организуя провокацию, немцы начали подыскивать нужных им свидетелей.

Свидетель КИСЕЛЕВ П.Г., 73-х лет, крестьянин хутора "Козьи Горы" показал, что он два раза вызывался немцами, а затем был арестован гестапо. В гестапо он просидел полтора месяца, подвергался истязаниям. Германский офицер в гестапо требовал от КИСЕЛЕВА дать ложные показания о том, что весной 1940 г. в Катинском лесу НКВД расстреляло военнопленных польских офицеров. КИСЕЛЕВ показал:

"Я ответил немецкому офицеру, что вообще никогда не слыхал, чтобы НКВД производил расстрелы в "Козьих горах", да и вряд ли это возможно, так как "Козьи горы" совершенно открытое многолюдное место и если бы там расстреливали, то об этом бы знало все население близлежащих деревень...

Несмотря на это офицер упорно настаивал, чтобы я дал ложные показания... Я решительно отказался сделать это, заявив: "ищите себе для этого дела другого человека". Тогда офицер сказал, что именно я должен дать такие показания, так как долго живу в этом районе и поэтому моим показаниям верят...

После моего ареста я много раз вызывался на допросы, но меня больше били, чем допрашивали...

Таких допросов, сопровождавшихся побоями было несколько, в результате я совершенно обессилил, стал плохо слышать и не мог двигать правой рукой. Не выдержав побоев и истязаний, я подписал протокол, который был написан на немецком языке и дал согласие выступать публично с рассказом о расстреле поляков большевиками."

Свидетель ЗАХАРОВ М. Д., быв. староста дер.Н.Батеки Смоленского района дал следующие показания:

"...Меня вызывали в гестапо на ст.Гнездово. Там находился офицер и переводчик. Они потребовали, чтобы я показал, что при большевиках на "Козьи горы" отправлялись военнопленные польские офицеры и что там их рас-

- 14 -

стреливали. Я отказался. Они взяли резиновую палку, потом положили на скамейку и начали бить. Избили сильно. Потом, после этого, они опять требовали подписать. Я опять отказался. Тогда офицер вынул пистолет. В силу необходимости мне пришлось дать ложные показания и я подписал какой-то документ на немецком языке."

Уговорами, обещаниями о вознаграждении, угрозами и истязаниями немцы пытались получить нужные им показания от целого ряда свидетелей. Такие показания они хотели получить от быв.нач.станции Гнездово ИВАНОВА С.В., дежурного по той же станции САВВАТЕЕВА И.В., КАВЕРЗНЕВА Н.С. - быв.помощника нач.Смоленской тюрьмы, КОВАЛЕВА В.Г. - быв.работника той же тюрьмы, ИГНАТЮКА Е.А., сапожника.

Так как поиски нужного количества свидетелей не увенчались успехом, немцами расклеили в г.Смоленске и окрестных деревнях следующую листовку, подлинный экземпляр которой имеется в материалах Специальной Комиссии:

"

Обращение к населению

Кто может дать данные про массовое убийство совершенное большевиками в 1940 году пленных польских офицеров и священников в лесу "Козьих гор" около шоссе Гнездово-Катын.

Кто наблюдал автотранспорты от Гнездова в "Козьи горы" или кто видел, или кто слышал расстрел. Кто знает жителей, которые могут рассказать об этом.

Каждое сообщение вознаграждается.

Сообщение направлять в Смоленск в немецкую полицию, Музейная улица д.6; в Гнездовскую немецкую полицию дом № 105 у вокзала.

Фосс

лейтенант полевой полиции

3 май 1943 г."

Такое же об"явление было помещено также в издаваемой немцами в Смоленске газете "Новый путь" (№ 35157 от 6 мая 1943 г.).

О том, что немцы сулили награду за дачу нужных им показаний по "катынскому делу", заявили опрошенные специальной Комиссией свидетели - жители г. Смоленска: СОКОЛОВА О.Е., ПУШИНА Е.А., БЫЧКОВ И.И., БОНДАРЕВ Г.Т., УСТИНОВ Е.П. и многие др. Свидетелю ИВАНОВУ, который при немцах служил сторожем на переезде, они обещали должность нач.ст. Гнездово и улучшение его материальных условий.

Обработка катынских могил

Наряду с показаниями свидетелей, немцы приступили к соответствующей подготовке могил в Катынском лесу, к изъятию из одежды убитых ими польских военнопленных всех документов, помеченных датами позднее апреля 1940 г., т.е. времени, когда согласно немецкой провокационной версии, поляки были расстреляны большевиками: к удалению всех вещественных доказательств, могущих опровергнуть ту же провокационную версию.

Расследованием Специальной Комиссии установлено, что для этой цели немцами были использованы русские военнопленные числом до 500 чел., специально отобранные из концлагеря №126. Специальная Комиссия располагает многочисленными свидетельскими показаниями по этому вопросу. Из них заслуживают особого внимания показания врачебного персонала упомянутого лагеря.

Врач ЧИЖОВ А.Т., работавший в лагере № 126 в дни оккупации немцами Смоленска, показал:

"...Примерно в начале марта м-ца 1943 г. из Смоленского лагеря военнопленных № 126, из числа более физически крепких пленных, отобрано было несколько партий общим количеством до 500 чел., для направления, якобы на окопные работы. Впоследствии никто из этих пленных в лагерь не вернулся."

Врач ХМЫРОВ В.А., также работавший при немцах в том же лагере показал:

"Мне известно, что примерно во второй половине февраля м-ца или начале марта 1943 г. из нашего лагеря было отправлено в неизвестном мне направлении около 500 чел. военнопленных красноармейцев. Отправка этих пленных производилась на, якобы, окопные работы, почему и отбирались физически полноценные люди..."

Тожественные показания дали: медсестра ЛЕНЬКОВСКАЯ О.Г., медсестра ТИМОФЕЕВА А.И., свидетельницы ОРЛОВА П.М., ДОБРОСЕРДОВА Е.Г. и свидетель КОЧЕТКОВ В.С.

Куда на самом деле были направлены 500 советских военнопленных из лагеря № 126 явствует из показания свидетельницы МОСКОВСКОЙ А.М. Она показала Специальной Комиссии, что в марте м-це 1943 г. перед уходом на работу, зайдя за дровами в сарай, она нашла в нем неизвестного человека, который оказался русским военнопленным. Из разговора с ним она узнала, что его зовут ЕГОРОВ Николай, что он из Ленинграда. С конца 1941 г. он содержался в Смоленске в немецком лагере для военнопленных № 126. В начале марта ЕГОРОВ вместе с военнопленными в числе 500 человек был направлен в Катынский лес. Там их заставили раскапывать могилы, в которых были трупы в форме польских офицеров. Они вытаскивали эти трупы из ям и вынимали из их карманов документы, письма, фотокарточки и другие вещи. Немцы приказали, чтобы в карманах одежды трупов ничего не оставлять. Два военнопленных были расстреляны за то, что они небрежно обыскивали трупы.

Документы, вещи и письма, извлеченные из карманов одежды трупов, просматривались немецкими офицерами. Часть бумаг вкладывалась обратно в карманы обысканных трупов, остальные броса-

лись в кучу и сжигались. Кроме того заставляли вкладывать в карманы трупов какие-то бумаги, привезенные немцами.

По словам ЕГОРОВА, вся работа на могилах была закончена. Три дня никто из военнопленных не работал.

МОСКОВСКАЯ со слов ЕГОРОВА показала далее:

"Вдруг ночью их всех без исключения подняли и куда-то повели. Охрана была усиленная... Шли они часа три-четыре в неизвестном направлении. Остановились в лесу на какой-то полянке у ямы. Он увидел, как группу военнопленных отделили от общей массы, погна-ли к яме и затем стали расстреливать. Создалась крайне напряженная обстановка. Военнопленные зашумели, задвигались. Недалеко от ЕГОРОВА несколько человек военнопленных набросились на охрану. Другая охрана прибежала к этому месту. ЕГОРОВ воспользовался этим моментом замешательства и бросился бежать."

ЕГОРОВ добрался до Смоленска и спрятался в деревянном сарае у МОСКОВСКОЙ, где он был найден немцами во время облавы и арестован.

Тот же ЕГОРОВ рассказал МОСКОВСКОЙ, что часть военнопленных, работавших в Катынском лесу помимо выкапывания трупов, занимались привозом в Катынский лес трупов из других мест. Привезенные трупы сваливались в ямы вместе с выкопанными ранее трупами.

Факт доставки в Катынские могилы большого количества трупов из других мест подтверждается показаниями свидетеля - инженера-механика СУХАЧЕВА П.Ф.

Ночью, во второй половине марта 1943 г., СУХАЧЕВ, служивший механиком на мельнице городского управления, вместе с нем-

цем-шофером, ехал на грузовой машине по Витебскому шоссе в направлении на запад.

"...Примерно на 23 клм.от Смоленска, - показал СУХАЧЕВ Специальной Комиссии, - был об"езд с довольно крутым спуском. Когда мы стали спускаться с шоссе на об"езд, навстречу нам из тумана показалась грузовая машина. По неопытности шофера мы не смогли затормозить нашу машину и столкнулись с шедшей навстречу грузовой машиной. Столкновение было несильным, так как шофер встречной машины успел взять в сторону, однако, встречная машина, попав правым колесом в канаву, свалилась боком на косогор. Я и шофер выскочили из кобинки и подошли к свалившейся машине. Меня поразили сильный трупный запах, шедший от грузовой машины. Подойдя ближе, я увидел, что машина заполнена грузом, затянутым сверху брезентом. От удара веревки лопнули и часть груза вывалилась на косогор. Около машины находилось, насколько я помню, человек 6-7, из них один немец-шофер, двое вооруженных автоматами немцев, остальные были русским-и военнопленными...Общими усилиями все стали поднимать машину...

Я тихо спросил одного из русских военнопленных: "Что это такое", тот также тихо ответил: "Которую уже ночь возим трупы в Катynский лес".

Показания СУХАЧЕВА о привозе немцами трупов по ночам в закрытых грузовиках в Катynский лес подтверждаются свидетельствами быв.полицейского ЕГОРОВА В.А., быв.нач.немецкой полиции катynского участка ЯКОВЛЕВА-СОКОЛОВА Ф.М. и другими.

Из приведенных свидетельских показаний со всей ясностью можно заключить, что немцы расстреливали поляков и в других местах. Свозя их трупы в Катynский лес, они преследовали тройную цель: во-первых, уничтожить следы своих собственных злодеяний; во-вторых, свалить свои преступления на советскую власть; в-третьих, увеличить количество "большевистских жертв" в могилах Катynского леса.

"Экскурсии" на катынские могилы

В апреле м-це 1943 г., закончив все подготовительные работы на могилах в Катынском лесу, немецкие оккупанты приступили к широкой агитации в печати и по радио, пытаясь приписать советской власти зверства, совершенные ими самими над военнопленными поляками. В качестве одного из методов этой провокационной агитации, немцы организовали посещения катынских могил жителями Смоленска и его окрестностей, а также и "делегациями" из стран, оккупированных немецкими захватчиками или находящихся в вассальной зависимости от них.

Специальная Комиссия опросила ряд свидетелей, участвовавших в "экскурсиях" на катынские могилы.

Свидетель ЗУБКОВ К.П., врач патолого-анатом, работавший в качестве судебно-медицинского эксперта в Смоленске Специальной Комиссии показал:

"...Одежда трупов, особенно шинели, сапоги и ремни, была довольно хорошо сохранившейся. Металлические части одежды - пряжки ремней, пуговицы, крючки, шипы на ботинках и прочее имели не резко выраженную ржавчину и в некоторых случаях местами сохраняли блеск металла. Ткани тела трупов, доступные осмотру, лица, шеи, руки имели преимущественно грязный зеленоватый цвет, в отдельных случаях грязно-коричневый, но полного разрушения тканей, гниения не было. В отдельных случаях были видны обнаженные сухожилия белесоватого цвета и часть мышц. Во время моего пребывания на раскопках на дне большой ямы работали люди по разборке и извлечению трупов. Для этого они применяли лопаты и другие инструменты, а также брали трупы руками, перетаскивали их за руки, за ноги и одежду с места на место. Ни в одном случае не приходилось наблюдать, чтобы трупы распадались, или чтобы отрывались их отдельные части.

Учитывая все вышеизложенное, я пришел к выводу, что давность пребывания трупов в земле - не три года, как утверждали немцы, а значительно меньше. Зная, что

- 20 -

В массовых могилах гниения трупов протекает быстрее, чем в одиночных и тем более без гробов, я пришел к выводу, что массовый расстрел поляков был произведен около полутора лет тому назад и может относиться к осени 1941 г. или весне 1942 г. В результате посещения раскопок, я твердо убедился, что совершенное чудовищное злодеяние - дело рук немцев."

Показания о том, что одежда трупов, ее металлические части, а также сами трупы хорошо сохранились дали допрошенные специальной Комиссией многочисленные свидетели, участвовавшие в "экскурсиях" на катынские могилы, в том числе: заведующий смоленской водопроводной сетью КУЦЕВ И.З., учительница катынской школы ВЕТРОВА Е.Н., телефонистка Смоленского отделения связи ШЕДРОВА Н.Г., житель дер.Борок АЛЕКСЕЕВ М.А., житель дер.Новые Батеки КРИВОЗЕРЦЕВ Н.Г., дежурный по ст.Гнездово САВВАТЕЕВ И.В., гражданка Смоленска ПУШИНА Е.А., врач 2-й Смоленской больницы СИДОРУК Т.А., врач той же больницы КЕСАРЕВ П.М.

Попытки немцев замести следы своих злодеяний.

Организованные немцами "экскурсии" не достигали своей цели. Все побывавшие на могилах убеждались в том, что перед ними налицо самая грубая и явная немецко-фашистская провокация. Поэтому со стороны немецких властей принимались меры к тому, чтобы заставить сомневающихся молчать.

Специальная комиссия располагает показаниями целого ряда свидетелей, которые рассказали о том, как преследовали немецкие власти сомневающихся. Их увольняли со службы, арестовывали, угро-

жали расстрелом. Комиссия установила два случая расстрела за неумение "держать язык на привязи". Такая расправа была учинена над бывшим немецким полицейским ЗАГАЙНОВЫМ и ЕГОРОВЫМ А.М., работавшим на раскопках могил в Катынском лесу.

Показания о преследовании немцами людей, выражавших свои сомнения после посещения могил в Катынском лесу, дали: уборщица аптеки № 1 Смоленска ЗУБАРЕВА М.С., помощник санитарного врача Сталинского райздравотдела Смоленска КОЗЛОВА В.Ф. и другие.

Быв.нач.полиции катынского участка ЯКОВЛЕВ-СОКОЛОВ Ф.М. показал:

"Создалась обстановка, вызывавшая серьезную тревогу в немецкой комендатуре, и на места полицейским аппаратом срочно были даны указания, во что бы то ни стало пресечь все вредные разговоры и арестовать всех лиц, высказывающих неверие в "катынское дело".

Мне лично, как нач.участковой полиции такие указания дали: в конце мая 1943 г. немецкий комендант с.Катынь оберлейтенант БРАУНГ и в начале июня - нач.Смоленской районной полиции КАМЕНЕЦКИЙ.

Я созвал инструктивное совещание полицейских своего участка, на котором предложил задерживать и доставлять в полицию каждого высказывающего неверие... и сомневающегося в правдоподобии сообщений немцев о расстреле большевиками польских военнопленных.

Выполняя эти указания немецких властей, я явно кривил душой, так как сам был уверен, что "катынское дело" - немецкая провокация. Полностью я убедился в этом, когда лично побывал на "экскурсии" в Катынском лесу."

Видя, что "экскурсии" местного населения на катынские могилы не достигают цели, немецкие оккупационные власти летом 1943 г. распорядились зарыть эти могилы.

Перед своим отступлением из Смоленска немецкие оккупационные власти стали наспех заметать следы своих злодеяний. Дачу, которую занимал "штаб 537 строительного батальона", была сож-

жена до тла. Трех девушек - АЛЕКСЕЕВУ, МИХАЙЛОВУ и КОНАХОВСКУЮ немцы разыскивали в дер.Борок, чтобы увезти их с собой, а может быть и уничтожить. Разыскивали немцы и своего главного свидетеля - КИСЕЛЕВА П.Г., но тот вместе со своей семьей успел скрыться. Немцы сожгли его дом. Немцы старались схватить и других свидетелей - начальника ст.Гнездово ИВАНОВА С.В. и дежурного по этой станции САВВАТЕЕВА И.В.

В самые последние дни перед отступлением из Смоленска немецко-фашистские оккупанты искали профессоров БАЗИЛЕВСКОГО и ЕФИМОВА. Обоим удалось избежать увода или смерти лишь потому, что они заблаговременно скрылись.

Однако, замести следы и скрыть свои преступления немецко-фашистским захватчикам не удалось. Произведенная судебно-медицинская экспертиза с неопровержимой ясностью доказывает, что расстрел военнопленных поляков был произведен самими немцами. Ниже приводится акт судебно-медицинской экспертизы

Акт судебно-медицинской экспертизы

По указанию Специальной Комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу (близ гор.Смоленска) военнопленных польских офицеров, судебно-медицинская экспертная комиссия в составе:

Главного судебно-медицинского эксперта Наркомздрава СССР, директора Государственного Научно-Исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР - В.И.ПРОЗОРОВСКОГО;

Профессора судебной медицины 2-го Московского Государственного медицинского института, доктора медицинских наук - В.М.СМОЛЬЯНИНОВА;

Профессора патологической анатомии, доктора медицинских наук - Д.Н.ВЫРОПАЕВА;

Старшего научного сотрудника Танатологического отделения Государственного Научно-Исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР, доктора - П.С.СЕМЕНОВСКОГО;

Старшего научного сотрудника Судебно-Химического отделения Государственного Научно-Исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР, доцента - М.Д.ШАЙКОВОЙ;

при участии:

Главного судебно-медицинского эксперта Западного фронта, майора медицинской службы НИКОЛЬСКОГО;

Судебно-Медицинского эксперта Н... армии, капитана медицинской службы БУСОЕДОВА;

Начальника ПАЛ 92, майора медицинской службы - СУБВОТИНА;

Майора медицинской службы ОГЛОБЛИНА;

Врача-специалиста, старшего лейтенанта медицинской службы САДЫКОВА;

Старшего лейтенанта медицинской службы ПУШКАРЕВОЙ;

в период с 16-го по 23-е января 1944 г. произвела эксгумацию и судебно-медицинское исследование трупов польских военнопленных, погребенных в могилах на территории "Козьи горы" в Катинском лесу, в 15-ти километрах от гор. Смоленска. Трупы польских военнопленных были погребены в общей могиле размером около 60 х 60 х 3 метра и, кроме того, в отдельной могиле

размером около 7 х 6 х 3,5 метра. Из могил эксгумировано и исследовано 925 трупов.

Эксгумация и судебно-медицинское исследование трупов произведены для установления:

- а) личности покойных;
- б) причины смерти;
- в) давности погребения.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА: см. материалы Специальной Комиссии.

ОБЪЕКТИВНЫЕ ДАННЫЕ: см. протоколы судебно-медицинских исследований трупов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Судебно-медицинская экспертная комиссия, основываясь на результатах судебно-медицинских исследований трупов, приходит к следующему заключению:

По раскрытии могил и извлечении трупов из них, установлено:

- а) среди массы трупов польских военнопленных находятся трупы в гражданской одежде, количество их по отношению к общему числу исследованных трупов незначительно (всего 2 на 925 извлеченных трупов); на трупах были одеты ботинки военного образца;
- б) одежда на трупах военнопленных свидетельствует об их принадлежности к офицерскому и частично к рядовому составу польской армии;
- в) обнаруженные при осмотре одежды разрезы карманов и сапог, разрывы и выворачивание карманов показывают, что вся одежда на каждом трупе (шинель, брюки и др.),

как правило, носят на себе следы обыска, произведенного на трупах;

- г) в некоторых случаях при осмотре одежды отмечена целостность карманов. В этих карманах, а также в разрезанных и разорванных карманах, под покладкой мундиров, в поясах брюк, в портянках и носках найдены обрывки газет, брошюры, молитвенники, почтовые марки, открытые и закрытые письма, квитанции, записки и другие документы, а также ценности (слиток золота, золотые доллары), трубки, перочинные ножи, курительная бумага, носовые платки и др.;
- д) на части документов (даже без специальных исследований) при осмотре их констатированы даты, относящиеся к периоду от 12 сентября 1940 г. до 20 июня 1941 г.;
- е) ткань одежды, особенно шинелей, мундиров, брюк и верхних рубашек, хорошо сохранилась - с очень большим трудом поддается разрыву руками;
- ж) у очень небольшой части трупов (20 из 925) руки оказались связанными позади туловища с помощью белых плетеных шнуров.

Состояние одежды на трупах, именно тот факт, что мундиры, рубашки, поясные ремни, брюки и кальсоны застегнуты; сапоги или ботинки надеты; шарфы и галстуки повязаны вокруг шеи, помочи пристегнуты, рубашки заправлены в брюки - свидетельствует, что наружного осмотра туловища и конечностей трупов не производилось.

Сохранность кожных покровов на голове и отсутствие на них, а также на покровах груди и живота (кроме трех случаев из 925), каких бы то ни было надрезов, разрезов и других признаков экспертной деятельности указывает, что судебно-медицинского исследования трупов не производилось, судя по эксгумированным

судебно-медицинской экспертной комиссией трупам.

Наружный и внутренний осмотры 925 трупов дают основания утверждать наличие огнестрельных ранений головы и шеи, в нескольких случаях сочетавшихся с повреждением костей свода черепа тупым, твердым, тяжелым предметом, что установлено в 4 случаях. Кроме того в незначительном количестве случаев обнаружено повреждение живота при одновременном ранении головы.

Входные отверстия огнестрельных ранений, как правило, единичные, реже - двойные, расположены в затылочной области головы вблизи от затылочного бугра, большого затылочного отверстия или на его краю. В небольшом числе случаев входные огнестрельные отверстия найдены на задней поверхности шеи, соответственно 1, 2, 3 шейным позвонкам.

Выходные отверстия обнаружены чаще всего в лобной области, реже - в теменных и височных областях, а также на лице и шее. В 27 случаях огнестрельные ранения оказались слепыми (без выходных отверстий) и в конце пулевых каналов под мягкими покровами черепа, в его костях, в оболочках и веществе мозга найдены деформированные, слабodeформированные и вовсе недеформированные оболочечные пули, применяемые при стрельбе из автоматических пистолетов, преимущественно калибра 7,65 мм.

Размеры входных отверстий на затылочной кости допускает вывод, что при расстрелах было употреблено огнестрельное оружие двух калибров: в подавляющем большинстве случаев - менее 8 мм., т.е. в 7,65 мм. и менее в меньшем числе - более 8 мм., т.е. 9 мм.

Характер трещин костей черепа и обнаружение в некоторых случаях пороховых остатков у входного отверстия говорит о том, что выстрелы были произведены в упор или почти в упор.

Взаиморасположение входных и выходных отверстий показывает, что выстрелы производились сзади, при наклоненной вперед голове. При этом пулевой канал проходил через жизненно важные отделы головного мозга или вблизи от них и разрушение ткани мозга являлось причиной смерти.

Обнаруженные на костях свода черепа повреждения тупым твердым тяжелым предметом сапутствовали огнестрельным ранениям головы и сами по себе причиной смерти не служили.

Судебно-медицинские исследования трупов, произведенные в период с 16 по 23 января 1944 г., свидетельствуют о том, что совершенно не имеется трупов в состоянии гнилостного распада или разрушения и что все 925 трупов находятся в сохранности - в начальной стадии потери трупом влаги (что наиболее часто и резко было выражено в области груди и живота, иногда и на конечностях; в начальной стадии жировоска; в резкой степени жировоска у трупов, извлеченных со дна могил); в сочетании обезвоживания тканей трупа и образования жировоска.

Заслуживает особого внимания то обстоятельство, что мышцы туловища и конечностей совершенно сохранили свою макроскопическую структуру и свой почти обычный цвет; внутренние органы грудной и брюшной полости сохранили свою конфигурацию в целом ряде случаев, мышца сердца на разрезах имела ясно различимое строение и присущую ей окраску, а головной мозг представлял ха-

рактрные структурные особенности с отчетливо выраженной границей серого и белого вещества. Кроме макроскопического исследования тканей и органов трупа судебно-медицинской экспертизой изъят соответствующий материал для последующих микроскопических и химических исследований в лабораторных условиях.

В сохранении тканей и органов трупов имели известное значение свойства почвы на месте обнаружения.

По раскрытии могил и изъятии трупов и пребываний^{их} на воздухе, они подвергались действию тепла и влаги в весенне-летнее время 1943 г., это могло оказать влияние на резкое развитие процесса разложения трупов.

Однако степени обезвоживания трупов и образования в них жировоска, особо хорошая сохранность мышц и внутренних органов, а также и одежды дают основания утверждать, что трупы находились в почве недолгое время.

Сопоставляя же состояние трупов в могилах на территории "Козьби горы" с состоянием трупов в других местах захоронений в г. Смоленске и его ближайших окрестностях - в Гедеоновке, Магеленщине, Реадовке, лагере № 126, Красном бору и т.д. (см. акт суд.мед.экспертизы от 22-го октября 1943 г.), надлежит признать, что погребение трупов польских военнопленных на территории "Козьби горы" произведено около 2-х лет тому назад. Это находит свое полное подтверждение в обнаружении в одежде на трупах документов, исключающих более давние сроки погребения (см. пункт "д" стр. _____ и опись документов).

Судебно-медицинская экспертная комиссия на основе данных и результатов исследований -

считает установленным акт умерщвления путем расстрела военнопленных офицерского и частично рядового состава польской армии;

утверждает, что этот расстрел относится к периоду около 2-х лет тому назад, т.е. между сентябрем-декабром 1941 г.;

усматривает в факте обнаружения судебно-медицинской экспертной комиссией в одежде трупов ценностей и документов, имеющих дату 1941 г. - доказательство того, что немецко-фашистские власти, предпринявшие в весенне-летнее время 1943 г. обыск трупов, произвели его не тщательно, а обнаруженные документы свидетельствуют о том, что расстрел произведен после июня 1941 г.;

констатирует, что в 1943 г. немцами произведено крайне ничтожное число вскрытий трупов расстрелянных польских военнопленных;

отмечает полную идентичность метода расстрела польских военнопленных со способом расстрелов мирных советских граждан и советских военнопленных, широко практиковавшимся немецко-фашистскими властями на временно оккупированной территории СССР, в том числе в городах: Смоленске, Орле, Харькове, Краснодаре, Воронеже.

ГЛАВНЫЙ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКИЙ ЭКСПЕРТ НАРКОМЗДРАВА СССР,
ДИРЕКТОР ГОСУДАРСТВЕННОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬНОГО
ИНСТИТУТА СУДЕБНОЙ МЕДИЦИНЫ НАРКОМЗДРАВА СССР -
В.И.ПРОЗОРОВСКИЙ

ПРОФЕССОР СУДЕБНОЙ МЕДИЦИНЫ 2-го МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕДИЦИНСКОГО ИНСТИТУТА, ДОКТОР
МЕДИЦИНСКИХ НАУК -
СМОЛЬЯНИНОВ

ПРОФЕССОР ПАТОЛОГИЧЕСКОЙ АНАТОМИИ, ДОКТОР МЕДИЦИНСКИХ
НАУК -
Д.Н.ВЫРОПАЕВ

СТАРШИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ТАНАТОЛОГИЧЕСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬНОГО ИНСТИТУТА
СУДЕБНОЙ МЕДИЦИНЫ НКЗ СССР - ДОКТОР -
П.С. СЕМЕНОВСКИЙ

СТАРШИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК СУДЕБНО-ХИМИЧЕСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬНОГО ИНСТИТУТА
СУДЕБНОЙ МЕДИЦИНЫ НКЗ СССР - ДОЦЕНТ -
М.Д.ШВАЙКОВА